

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Яны Александровны Волковой на тему «Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте», Волгоград, 2014, представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.19 - теория языка

Настоящее исследование выполнено в рамках антропологической ориентации гуманитарной мысли в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистики. Антропологическая ориентация предполагает, что качество жизни человека определяется качеством коммуникации. Общение должно быть экологичным. Экологичность общения состоит в том, чтобы удачно кодировать и декодировать сообщаемое, а также в умении обеспечить позитивное эмоциональное состояние партнера и поддерживать его психоэмоциональное здоровье. Между тем современное общество заполняется неэкологичной коммуникацией. Общение становится нетолерантным, эмоционально рассогласованным, ненормативным, неадекватным. Изучение неэкологичной коммуникации, а конкретно деструктивного общения, приобретает **актуальность**, так как знание его приемов и методов способствует преодолению агрессии, уменьшению её степени, переходу к амбивалентно-экологичному общению.

Актуальность рецензируемой диссертации не вызывают сомнения: данной работой открывается новое направление лингвистических исследований, которое автор удачно называет деструктивное общение. Актуальность этого направления обусловлена сложной обстановкой в истории человечества - непрекращающимися войнами и агрессией как доминантой развития человеческого общения. Агрессию, как проявление деструктивного общения, безусловно, необходимо изучать с позиции разных дисциплин и не последнюю роль здесь играет лингвистика.

Объектом этого нового лингвистического направления выступает деструктивное межличностное общение, а характеризующие его стереотипные и специфические особенности, анализируемые в когнитивном и коммуникативном аспектах, а также его вербальные/невербальные репрезентации — **предметом**.

Отсюда вытекает **цель** исследования - выявить когнитивные и коммуникативные особенности и их языковую и невербальную репрезентацию на материале реальной и художественной коммуникации в русском языке.

Из использованных **методов** исследования особо следует подчеркнуть обеспечивающий достоверность метод «полевых» наблюдений за коммуникативным поведением людей в естественных условиях с последующей вербальной регистрацией, а также методы опроса информантов, анкетирование и интервьюирование, что справедливо рассматривать как лингвистический эксперимент. Удачность предлагаемого подхода подтверждена эмпирическим материалом.

Достоверность исследованию обеспечивает также подвергшийся обработке массив из более 100 тысяч контекстов (с. 8). Достоверность работы также обеспечивается анализом большого количества теоретического материала

(388 наименований на русском языке и 108 наименований на английском и немецком языках).

Научная новизна заключается в том, что комплексно разработано новое направление в изучении межличностного общения, которое сопровождается введением в научный обиход ряда таких новых понятий, как «деструктивное общение», «деструктивная коммуникативная личность», «концептуальное пространство деструктивности», «деструктивные-типажи» и др.

И в этом состоит **личный вклад** диссертанта в разработку научной проблематики современной лингвистики.

Теоретическая значимость исследования вытекает из вышеупомянутой научной новизны: в результате существенного переосмысления содержания понятия «деструктивное общение» обосновано выдвижение четкой цели в этом новом направлении и разработаны адаптированные современные методики его анализа. Наряду с этим, внесен существенный вклад путем уточнения и дополнения в разработку таких смежных направлений лингвистики, как лингвоперсонология, лингвокогнитология, лингвопрагматика, лингвоэмотиология, лингвоэкология.

Практическая ценность исследования заключается, прежде всего, в том, что его выводы и результаты способствуют адекватной интерпретации явлений деструктивного общения в современном мире в борьбе за эмоциональный комфорт населения.

Работа состоит из Введения (с. 4-5), трех глав (с. 16-366), Заключения (с. 367-378.), Библиографии (с. 379[^]24), Списка лексикографических источников и принятых сокращений (с. 425[^]427), Списка источников примеров (с. 428-430).

Введение соответствует традиционным канонам.

Первая глава (с. 16-93) отличается организованностью, учетом только тех теоретических положений, которые позволяют делать Я.А. Волковой важные для собственной теории выводы. Удачная опора на результаты исследования деструктивности в различных направлениях науки. Хотя есть упоминания о её амбивалентной природе и о созидательном компоненте явления, на передний план выступает её разрушительная сторона. И с точки зрения философии обращается внимание на разрушительную сторону деструктивной человеческой деятельности.

Глубокое и обоснованное определение понятия «деструктивное общение» находят свое раскрытие и иллюстрации в первой главе. Деструктивное общение реализуется в ситуации, характеризующейся пятью конститутивными признаками. Автор принимает вывод о принадлежности деструктивности именно человеку, но она не заложена в филогенезе, носит осознанный характер и направлена на разрушение, от которого субъект испытывает удовлетворение. Удовлетворение от совершенного разрушительного деяния - это один из параметров деструктивного общения. К другим параметрам относится цель (психически или физически травмировать собеседника), инициативность в выборе разрушительного действия, временная неограниченность, по форме скрытая или косвенная реализация, а также эмоциональная стимуляция. Причем эмоции, как доказали исследования В.И. Шаховского, это одна из форм

довербальных информационных структур и в конечном счете мотивационная основа человеческого сознания.

Следует отметить, что данная работа выполнена в русле продолжения разработки идей научной школы В.И. Шаховского и его учеников. Так, уточняются некоторые положения, выдвинутые учениками В.И.Шаховского - Т.Г. Ренц и Н.Н. Панченко.

Важно отделение деструктивного общения от таких смежных явлений, как конфликтное речевое взаимодействие, инвективное словоупотребление, вербальная агрессия, языковое насилие и языковые преступления. Все эти понятия не тождественны и в разных условиях общения различаются по ряду критериев: по способам Коммуникативного поведения, по намеренности, по целенаправленности, по инициативности, по учету невербальной, эмоциональной и интенциональной составляющей, по реакции адресата общения.

Учитывая проведенный анализ точек зрения на проблемы межкультурной коммуникации - философских, нейрофизиологических, социопсихологических концепций, автор дает удачную дефиницию объекту своего исследования. Важным для анализа деструктивного общения является его доступность/недоступность для объективного восприятия в коммуникации. Сюда относится как невербальная составляющая, так и описываемое проявление деструктивного общения.

Автора отличает профессиональное умение выделить в море теоретической литературы (497 наименований на русском и иностранном языках) те главные положения теорий, которые относятся к теме. Они излагаются простым научным языком, доступным для восприятия лингвистической общественности. Анализ теоретической литературы позволил Я.А. Волковой сделать вывод о том, что на поведение человека, наряду с другими, влияют нейрофизиологические факторы, которые не столько детерминируют деструкцию, сколько содержатся потенциально.

Во **второй главе** (с. 94-264) анализируется концептуальное пространство деструктивности на примере анализа концептов трех эмоций - ненависти, зависти, ревности. В основе реализации этого концептуального пространства лежит глубинный строй когнитивного устройства человека. Он представлен когнитивной пропозиционной моделью организации знаний о стереотипной ситуации деструктивного общения. Эта модель состоит из совокупных различных концептов, из представления о факторах и ситуациях агрессивного поведения, прототипических и парапрототипических сценариев деструктивного поведения. Здесь мы видим скрупулезный анализ деструктивного поведения, проводимый по определённой методике, которую удачно разработала Я.А. Волкова: на передний план выдвигается анализ лингвистической репрезентации эмоционального аспекта явления. С прагмалингвистической точки зрения решающим для характеристики отдельных компонентов деструктивного поведения является их значимость для участников данной ситуации.

Следует обратить внимание на критический анализ понятия «концепт». Его трёхступенчатая модель, как показал анализ эмпирического материала, оказалась недостаточно объёмной.

На основании глубокого анализа соответствующих теоретических литературных источников Я.А. Волкова нашла необходимым учесть метод концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и З. Кёвечеса для систематизации устойчивых выражений в классы концептуальных метафор. В этих классах выявляется инвариант, или прототип, а остальные случаи рассматривались как отступление от инварианта.

Еще одним теоретически важным выводом из проведенного анализа выступает выявление амбивалентных характеристик изучаемых эмоций - ненависти, зависти, ревности. Эти характеристики вытекают из противоречивости их социальной природы (ср. ревность объединяет любовь и ненависть), хотя, разумеется, в соответствии с задачами исследуется их деструктивная сторона.

Ценным представляется также попытка вывести основу образного компонента концептов. Интересны также высказанные соображения об использовании базовых языковых единиц для выражения степени эмоциональности. Например, для обозначения состояния низкой степени эмоциональности с глаголом «ненавидеть» возможно высказывание типа «я ненавижу крепкий кофе». Это высказывание используется для катарсиса, т.е. для объясняемого индивидуальными психологическими особенностями говорящего освобождения от переполняющих отрицательных эмоций в конкретной ситуации. Тем самым нивелируется мощный агрессивный потенциал ненависти.

Не менее интересны и теоретически обоснованы принятой автором методологией анализа и эмпирически доказаны и другие концепты - зависть, ревность.

В **третьей главе** (с. 265-366) речь идет о коммуникативных стратегиях и тактиках деструктивного общения, а также рассматриваются коммуникативные типы, практикующие деструктивное общение. Коммуникативные цели таких личностей состоят в том, чтобы психологически травмировать собеседника.

Когда речь идет о ценностном аспекте деструктивной личности, то этот аспект анализируется с двух позиций - внешнего и внутреннего ценностного плана. Немалый интерес при этом представляет собой использование оценочных значений семиотических знаков. Перед деструктивной личностью стоит задача так заявить свое превосходство на базе отрицательных ценностей, чтобы оправдать свои деструктивные действия благими намерениями. Я.А. Волкова считает, что для анализа деструктивных действий при этом нужен сторонний наблюдатель со своим мнением. Однако предлагаемый анализ все же опирается на прагматические параметры, вытекающие из трактовки внутренней и внешней стороны РА. Так, в частности, к внешней стороне принято относить корреляцию социальных, когнитивных и прагматических (поведенческих) признаков Отправителя и Получателя, а именно: их фоновые знания и знания конкретной ситуации (когнитивные признаки), их статусные

отношения (социальные признаки), их стереотипные и индивидуальные проявления поведения (прагматические признаки) и др.

Опираясь на трехкомпонентную модель коммуникативной личности В.И. Карасика, и на основе теории лингвокультурных типажей Я.А. Волкова рассматривает деструктивные коммуникативные типажи и их коммуникативное поведение вне зависимости от социальных и этнических характеристик языковой личности. Этот анализ проводится по методике Н.Н. Панченко (здесь не рассматривается).

Коммуникативное поведение выделенных типажей мотивировано доминирующими эмоциями и протекает в конкретных формах. Они рассмотрены на примере коммуникативных типажей «завистник», «ревнивец» и его актуальной разновидности «злая свекровь». Анализ построен на рассмотрении **когнитивных** стратегий и тактик деструктивного общения. Их выделение строится на трактовке коммуникативного поведения. Когнитивные стратегии и тактики направлены на психоэмоциональное «уничтожение» противника и на собственное возвышение. На основании коммуникативного поведения выделена конфронтационная стратегия, которая представлена двумя субстратегиями: инвективной и манипулятивной. Каждая из них имеет свой набор тактик, которые могут пересекаться и характеризуют субстратегии количественно. Однако нужно сказать, что в теоретическом плане остается непонятным иерархическое строение стратегий, субстратегий, тактик и шагов.

Для деструктивного общения справедливо выделение и описание комбинированных тактик издевательства, или коммуникативного садизма, и хамства. Интересны критерии отнесения конкретной ситуации к коммуникативному садизму. Здесь рассмотрены интенции и прагматики, а также эмоциональные переживания объекта. И опять решение вопроса лежит в анализе поведения участников деструктивного действия. Так, если субъект деструктивного действия сам раскаивается и сострадает объекту, тот этот РА уже не относится к коммуникативному садизму. Личностное состояние субъекта деструктивного действия (удовольствие от страданий объекта или раскаяние субъекта) практически трудно определить.

Как важный отмечен факт различного порога восприятия хамства (относительность воспринимаемого как оскорбительного!) Этот порог зависит от воспитания, знания этикета, учета невербальных факторов и от настроения. Поэтому, хотя и требуется третейский судья, он тоже не лишен человеческого фактора. Хамство - монологично, т.е. субъект не слышит оппонента! Для хамства характерно отсутствие чувства вины, ощущение безнаказанности и удовлетворение от своих действий, переживаемое как удовольствие.

Теоретические выкладки и эмпирические наблюдения подтверждаются экспериментально в виде опроса информантов, например, опрашивалось 100 человек от 18 до 75 лет, соотношение мужчин и женщин -24:76.

Перспективность исследований в рамках нового лингвистического направления - деструктивное общение - видится в обращении к разнообразным юридическим, массмедийным и другим дискурсам, в описании других социально значимых коммуникативных типажей, в изучении вербального/невербального проявления деструктивного поведения на материале

различных языков, а также в разработке практических рекомендаций по нейтрализации деструктивного поведения.

В порядке публичной дискуссии хотелось бы поставить перед уважаемым докторантом ряд вопросов, связанных с проблематикой работы:

1. Как соотносить следующие высказанные Вами соображения? На с. 33 утверждается, что в проявлениях агрессии наблюдаются культурные различия, т.е. она имеет филогенетические корни. (Приведите примеры проявления культурных различий агрессии). В то же время на с. 279 утверждается, что при анализе коммуникативного типажа описываются типовые особенности коммуникативного поведения «вне зависимости от социальных и этнических характеристик языковой личности».

2. Как соотносятся деструктивная интенция, которая является одним из пяти конструктивных признаков деструктивного общения, и деструктивное намерение деструктивной личности?

3. Хотелось бы уточнить иерархию отношений коммуникативной и речевой стратегии, а также тактик и шагов реализации этих стратегий. Например, на с. 90 указывается, что каждый тип деструктивного общения имеет преобладающую речевую стратегию. Покажите это на примерах.

4. На с. 125 говорится о некоторых случаях мотивационной основы ненависти, «которая не осознается самим говорящим». Такую мотивационную основу Вы называете бессознательной или неосознаваемой. Есть ли разница между бессознательной и неосознаваемой мотивационной основой, или эти термины означают одно и то же?

5. На с. 175 и с. 261 диссертации утверждается, что концептуализация эмоций «материализует представления человека об агрессии как о некой спонтанной силе, плохо поддающейся сознательному контролю. Мы полагаем, что данные представления не просто являются отраженными представлениями об эмоциях в языке, они с детства *внедряются* языком в обыденное сознание». Вопрос: существуют ли специальные языковые средства, которыми «внедряются» эмоции с детства в обыденное сознание? Можно ли рассматривать данное явление как разновидность языковой организации картины мира, которая управляет человеческим поведением? Или все-таки речь идет о том, что агрессия внедряется в обыденное сознание соответствующими людьми, использующими языковые средства?

6. Сюда же относится вопрос об уточнении соотношения сознательного контроля над проявлением агрессии и спонтанности этого проявления.

7. На с. 281 описан эксперимент, задача которого состояла в том, чтобы дать наименование миссис Крик, описанной в рассказе Р. Брэдбери. Эксперимент показал невозможность выделить номинацию, которая бы адекватно отражала имеющиеся признаки данной коммуникативной личности и была бы узнаваема большинством носителей языка. Я.А. Волкова приходит к выводу, что «имеет место отсутствие средств системной языковой объективации для имеющегося в языке концепта». Хотелось бы уточнить позицию автора относительно концепта - концепт существует в языке или в сознании или формируется при познании явления?

Все высказанные вопросы носят дискуссионный характер и не касаются существа теоретических положений, разработанных в диссертационном исследовании. Они направлены на дальнейшее продолжение этого нового перспективного, социально и коммуникативно-значимого научного направления.

В ходе анализа теоретической проблематики и материала исследования автор демонстрирует широкую лингвистическую эрудицию, умение профессионально вести научную дискуссию. Сделанные автором выводы открывают широкие горизонты дальнейших исследований в рамках нового предложенного автором лингвистического направления.

Все материалы разработанной теории и, проанализированный языковой материал представлены в пяти монографиях Я.А.Волковой, в 15 статьях, опубликованных в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК, а также в 24 статьях, опубликованных в научных журналах

Считаем, что диссертация Я.А. Волковой является самостоятельной работой, новой по постановке и решению комплекса существенных проблем. Диссертация соответствует паспорту специальности 10.02.19 - теория языка, отвечает всем требованиям «Положения о порядке присуждения учёных степеней» (в редакции постановления Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года, №842, п. 9), предъявляемым к докторским диссертациям, а ее автор, Я.А. Волкова заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.19 - теория языка.

Официальный оппонент:

Матвеева Галина Григорьевна,
доктор филологических наук, профессор,
профессор института филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации
Южного федерального университета

18 апреля 2014 г.

344082, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 33, к. 409,
8 988 950 79 00

gegemat2337633@rambler.ru

